

A red fabric backpack is shown from a top-down perspective, partially open. A black zipper runs across the top, with a gold-colored keychain attached to it. The keychain features a gold ring and a decorative banner with the text 'ДЕТСКИЙ ПРИКЛЮЧЕНИЙ КЛУБ'. The background behind the backpack is a green map with various geographical features and labels.

ДЕТСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНИЙ
КЛУБ

СЛЕДСТВИЕ ВЕДЕТ ПРОСТОФИЛЯ

A silver smartphone is positioned diagonally in the lower half of the image. The screen displays a colorful cartoon illustration of two characters on a futuristic motorcycle. The character in the front is a girl with blonde hair wearing a purple top and a red skirt with a yellow 'A' on it. The character in the back is a boy with brown hair wearing a grey jacket and brown pants. The motorcycle is white and silver with a large propeller on the back. The background of the illustration shows a cityscape with a tall building and a blue sky with a yellow sun. The smartphone has a power button at the top and several touch-sensitive buttons at the bottom.

Владимир
СОТНИКОВ

Владимир Михайлович Сотников

Следствие ведет простофиля

Серия «Филя-простофиля»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161293

*Владимир Сотников «Следствие ведет простофиля», серия «Черный котенок»: Эксмо-Пресс; Москва; 2001
ISBN 5-04-007352-6*

Аннотация

Если здраво рассудить, то Филю Лопушкова вовсе не должны были волновать происходящие странности. Можно было не обращать на них внимания, если бы не вчерашнее событие. Его несправедливо обвинили в том, что он хулиганит в подъезде! Решив найти нарушителя порядка, Филя начинает свое расследование. Но ему приходится столкнуться с чередой серьезных загадок. Кто и зачем похитил письмо, присланное из Америки Филиному соседу? Почему так странно ведет себя дежурная по подъезду? Какая связь между этой старухой и тем типом, который к ней приходит? Филя и его друзья полны решимости ответить на эти вопросы, даже если для этого им придется разгадать тайну египетского папируса...

Содержание

ЧАСТЬ I	4
Глава I. ПРОСТО ФИЛЯ	4
Глава II. ИЗ СЫЩИКОВ – В АРЕСТАНТЫ	20
Глава III. ИСПОРЧЕННЫЙ ТЕЛЕФОН	32
Глава IV. ДВАЖДЫ ДВА	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Владимир Сотников

Следствие ведет простофиля

ЧАСТЬ I

Глава I. ПРОСТО ФИЛЯ

Старуха какая-то... – пробормотала мама, поднявшись на цыпочки, чтобы дотянуться до дверного «глазка».

Когда примеряли, на какой высоте делать «глазок» в новой двери, мама собиралась в театр и была в туфлях на высоченных каблуках, которые называются «шпильки». Сантиметров десять, наверное, были эти «шпильки». Вот и ошиблись с «глазком».

Поэтому сейчас, когда мама была обута в домашние тапочки, ей надо было тянуться на цыпочках изо всех сил. И похожа она была при этом на какую-нибудь вредную подглядывающую девчонку.

– Стульчик принести? – пошутил папа, зашуршав на кухне газетой. Он всегда читал газеты за ужином. – Ладно, дай я открою. Вдруг там шайка бандитов.

– А старушка – их атаманша, – засмеялась мама, пропуская папу к двери. – Как в «Снежной королеве», да? «Будь осторожен, дорогой Кай!»

Филя тяжело вздохнул и отложил в сторону книгу. Ну невозможно с такими родителями сосредоточиться на прочитанном! Играются, шумят – совсем как дети. Хочется выйти из своей комнаты и сделать им строгое внушение. А были бы они моложе лет на тридцать – совсем не мешало бы их отшлепать.

Звякнул замок, папины тапочки прошаркали ко второй двери, ведущей на лифтовую площадку. Филя прислушался – что же там такое происходит? Ведь мама говорила, что за дверью стоит какая-то старуха.

– Это похоже на глупую шутку, – сердито сказал папа, сильно хлопнув дверью. – Никого там нет. Наверное, хулиганы развлекаются.

– Да какие хулиганы, если я видела старушку! – удивилась мама. – Странно, странно... Так быстро исчезла. В две секунды. Ведь мы с тобой не успели даже двумя фразами перемолвиться.

– Да успели вы, успели! – не выдержав, крикнул из своей комнаты Филя. – И двумя фразами успели перемолвиться, и шум такой подняли, что читать совсем невозможно. Неужели непонятно: к соседям шмыгнула ваша старуха. Если только у мамы глюков не было.

– Чего? – Голос мамы дрогнул. – Чего не было? Г-глюков?

Филя вздохнул. Осторожнее надо выражаться, когда общаешься с родителями.

– Извини, мам, – поправился он. – Я хотел сказать: если только тебе не показалось.

– Вот видишь, – опять зашуршал газетой на кухне папа. – Все можно сказать нормальным русским языком. А придется частенько слышать от тебя те несколько слов, которыми твои сверстники обозначают буквально все на свете. Супер, круто, прикинь... Как ты сказал, Филипп? Глюки? Прикинь, такой крутой глюк! Суперовый глюк!

Сразу понятно – у папы плохое настроение. Иначе не цеплялся бы к словам. Вернее, к одному слову. Остальные ведь он сам добавил. Вполне возможно, что его сердитое ворчание продлится весь вечер, и к тому же папа очень любит в таком настроении проверять домашнее задание, смотреть дневник и делать бесконечные замечания.

Впрочем, ничего страшного в этом не было. Филя давно заметил, что после подобных папиных проверок все его оценки повышались на балл. И учителя его начинали хвалить. А доброе слово, как говорится, и кошке приятно.

Но все-таки Филя прикрыл дверь – от греха подальше. Когда дверь закрыта, такое ощущение, что родители про тебя забыли. Да и книга была интересной – «Мифы Древнего Египта». Была у Филя с детства мечта: посмотреть на египетские пирамиды. И он, конечно же, надеялся, что мечта эта когда-нибудь обязательно сбудется. А чтобы не чувство-

вать себя полным идиотом рядом с пирамидами, Филя готовился к этому счастливому событию. А то получится как в прошлом году.

Летом они с родителями отдыхали в Крыму. Плавали на теплоходе вдоль берега, ездили по горным дорогам. И не знал Филя, что все эти скалы, морские бухты, горы и ущелья хранят в себе столько тайн и легенд! Только потом, когда вернулся в Москву, прочел об этом в книге «Легенды Крыма». Конечно, все виденное вспоминалось. Но ведь лучше, если бы все было наоборот! Лучше сначала прочитать о каком-нибудь месте, а потом посетить его. Тогда любая скала, любая гора покажется живой. Не говоря уже про пирамиды.

И тут опять прозвучал звонок. Если так будет продолжаться, то не только у папы, а у всех обитателей квартиры, включая кошку Дусю, настроение испортится! Филя отбросил в сторону книгу и метнулся в прихожую. Несомненно, требовалось его вмешательство.

Филя прильнул к «глазку». Хотя это было не очень-то просто, ведь ростом он был вовсе не выше мамы. Похоже было, что Филя подпрыгнул и прилип к двери, как тропическая лягушка. И пока не сполз вниз – смотрел в «глазок». На площадке за дверью было пусто. Он стремительно распахнул квартирную дверь и рванулся ко второй, ведущей к лифту. Конечно же, за второй дверью тоже была кнопка звонка. Но и там никого не было.

Это действительно было похоже на происки хулиганов.

Тех самых, о которых говорил папа. Но Филя расценил происшедшее как вызов. Это что же получается? Какой-то ненормальный развлекается таким образом и считает, что это сойдет ему с рук? У Филя даже волосы на голове зашевелились от охотничьего азарта.

– Ну что? – спросила мама. – Опять никого? Может, мне и впрямь старушка привиделась?

– Да никого здесь не было! – громко закричал Филя, а сам прижал палец к губам и замахал маме: мол, закрывай дверь, а я здесь останусь покараулить.

– Только никому не открывай, – шепнула мама. – Ни в коем случае не открывай, ладно? Папу позови.

Филя кивнул в знак согласия. И остался на площадке один. Ждать пришлось долго. Он уже собирался позвонить, чтобы мама впустила его в квартиру, как вдруг за дверью снова послышался звонок. Значит, снаружи, от лифтов, кто-то опять нажимал на кнопку!

Осторожно, чтобы не издать даже легкого шороха, Филя подкрался к двери и заглянул в «глазок». И сразу же вскрикнул от страха! С той стороны перед самым «глазком» шевельнулось какое-то страшное чудовище с рогами на голове!...

Филя отшатнулся и рванулся к своей квартире. Забыв о звонке, он стал барабанить в дверь руками и ногами, будто за ним гнались.

– Что случилось? – воскликнула мама и громко спросила

уже по направлению к двери: – Кто там?

– Охрана, – проскрежетал скрипучий голос, будто говорила какая-нибудь механическая кукла. – Откройте, не бойтесь.

– Да какая еще охрана? – переспросила мама. – Милиция, что ли?

Она уже подошла к двери и внимательно вглядывалась в «глазок». Тут и папа подоспел. Отстранив маму, он открыл дверь и спросил:

– Что за глупые шутки? Что вам угодно?

За дверью стояла маленькая серьезная старушка. Значит, маме в первый раз не привиделось. Только вот зачем старухе понадобилось исчезать после двух первых звонков?

Филя нахмурился. Во-первых, он размышлял над странностью поведения старухи. А во-вторых, ему было стыдно за то, что он так испугался. Концы причудливо повязанного платка, узел которого громоздился почему-то на голове старухи, Филя принял за рога... Вот позор! Ведь и знал же, что увеличительное стекло «глазка» так изменяет внешность человека, что можно принять его и за лошадь, и за носорога, и даже за слона. Короче, кого хочешь, того и пугайся! Вот Филя и испугался.

– Что за хулиганство? – опять спросил папа – уже довольно грозным голосом.

– А вы что ругаетесь? – проскрипела старушка, почему-то выискивая взглядом Филю. Похоже, родители ее даже не ин-

тересовали. – Сами решили порядок установить и ругаетесь. Я ваша сторожиха. Консьержка по-новому. Буду в подъезде за порядком следить.

– Это, конечно, радует... – пробормотал папа. – Скажите, а вы один раз позвонили?

– А то сколько же? Позвонила, вы открыли. Все как положено. – Старушка прищурилась. – А что, и у вас хулиганят? Хорошо еще, дверь не подожгли. В соседнем доме вон три двери спалили. Страх что творится на белом свете... Но у меня не похулиганите! Я все вижу!

И старуха вдруг погрозила пальцем... Филя! Родители даже взглянули на него удивленно, словно спрашивая: что он натворил?

Это уж было слишком! Филя возмутился до самой глубины души. Но одно дело – собственное, внутреннее возмущение, другое – внешняя реакция. Ведь надо было как-то оправдываться... Оправдываться, не зная за собой никакой вины, – вот странная ситуация! И Филя, конечно, растерялся. Выглядел он при этом как самый настоящий преступник. Будто это он выбил все стекла в окружающих домах, выломал дверцы всех почтовых ящиков и связал двух бездомных кошек, живущих в их подвале, хвостами.

– Я не понимаю, Филипп, – пробормотала мама, – как объяснить этот визит...

– Да никак не объяснить! – Филя даже топнул ногой. Наконец-то он пришел в себя. – И вообще, мне некогда вести

глупые беседы. А вы, – обратился он к старухе, – перед тем как к людям вламываться, завязывайте платок по-человечески. Эти торчащие хвостики, извините, на рожки похожи.

И Филя, не дав опомниться ни старухе, ни родителям, шмыгнул в квартиру. Он захлопнул дверь и, конечно же, сразу прижался к ней ухом. Интересно было послушать, что будет сейчас говорить эта вредная старушенция. И откуда она свалилась на их головы?

– Ишь ты! – возмущалась старуха. – Платок мой ему не понравился. Как хочу, так и завязываю! Невоспитанные какие дети нынче пошли!

Слышно было, как откашливался папа. Наверное, ему было не очень-то приятно за то, что Филя так ляпнул о платке.

– Ну, а, собственно, – сказал он, – на что вы намекаете? В чем провинился наш сын?

– В чем, в чем, – бубнила старуха. – Все они, хулиганы, на одно лицо. То кнопки в лифте сожгут, то на стене напишут... Я вас, люди добрые, предупредить пришла. Чтоб вы сказали своему малышу: негоже в подъезде баловаться.

– Да вы толком скажите, что он сделал? – строго спросила мама. – Сколько можно голову морочить?

– Говорю же, предупредить пришла. – Старуха забубнила совсем тихо, и Филя с трудом различал слова. – Не сделал, так сделает! Если его в срок не укоротить.

«Ничего себе, – подумал Филя, – словечки какие! „Укоротить“... А папе еще не нравится молодежный язык. Пусть

слушает древнестарушечий. „Укоротить“! На „обезглавить“ похоже. Нет уж, лучше говорить по-нашему, чем по-старушечьи!»

– А где же вы сидите? – спросила мама. – Ах да, я же видела, что внизу делают какую-то кабинку.

– Сладили мне будочку, в два дня сладили, – противно захихикала старушка. – А вы что, и не знали об этом? А деньги-то с жильцов собирали. Не интересуетесь даже, на что деньги сдаете, как и не жильцы вовсе.

«Не будет житься с ней, – вздохнул Филя. – С этой... будочницей. Действительно, станешь с ней не жильцом. Умрешь от тоски! Кажется, начинаются в подъезде новые времена».

«Консьержка в будке». Эти слова заставили Филю представить огромную собачью будку и страшную собаку с торчащими, как рога, ушами.

– Черт знает что, – сказал папа, заходя в квартиру. – Фантазмагория какая-то!

– Я точно видела ее через «глазок», – задумчиво проговорила мама. – Зачем же ей обманывать нас в таких мелочах? Странная старуха! Хотя... Может, просто у нее уже старческий склероз? Тем более что она, наверное, звонила во все квартиры подряд.

– Вот-вот, и я о том же говорю, – кивнул папа. – У нее склероз, скверный характер, желание пообщаться со всеми жильцами – а я все это должен терпеть? И это называется порядок в подъезде? Ты как хочешь, а меня такой порядок

не устраивает!

Филя шмыгнул в комнату, чтобы не попадаться родителям на глаза. Конечно, не удержались бы они от расспросов. А что может он ответить, если и сам ничего не знает?

Он бухнулся на кушетку, взял уже ненужную книгу. Ненужную, потому что ему было уже не до чтения. Мысли его витали очень далеко от египетских пирамид. Как ни смешно, но вернулись эти мысли в собственный дом, а точнее – в подъезд. Филя представлял всех мальчишек, живущих в подъезде... Внешне все они были нормальными ребятами. О каких сторевших кнопках в лифте, о каких надписях говорила старуха? Да и не было ничего подобного. Кнопки как кнопки, чистые, покрашенные стены... Может, сегодня произошло что-то необычное? Ведь Филя целый день провёл дома. Выходной, погода мрачная – в такие дни Филю на улицу и силой не выгнать. Сколько мама ни напоминает о необходимости «подышать воздухом» – Филя только пробормочет что-то в ответ и опять уткнется в книгу. Дышать вполне можно и в комнате. Вон, форточка открыта до отказа.

– Ты это куда? – удивилась мама, когда Филя в прихожей натягивал куртку. – На ночь глядя!

– Ага, ночь. Восемь вечера, – отмахнулся Филя. – Просто осенью начинает рано смеркаться. Сама же говорила, что надо воздухом дышать. Во время вечерней прогулки.

– В такое время только собак выгуливают, – сказал папа. – Будь осторожен! Многие гуляют без намордников.

– Ну, тогда и я надевать не буду, ладно? – отшутился Филя и вышел.

Он даже сам не заметил, когда это успел взять фонарик. Наверное, рука сама его нашарила в ящике стола. И зачем? Фонарик сейчас на улице ни к чему. Двор ярко освещен, а в темные закоулки Филя вовсе не собирается заглядывать. Он вообще не собирается выходить на улицу. Соврал маме насчет свежего воздуха и вечерней прогулки.

«Интересно устроен человек! – думал Филя, выходя на лестничную клетку. – Оказывается, он может думать какими-то тайными мыслями, которые и сам не успевает прочесть. Вот додумался же я захватить фонарь, а только сейчас понял зачем».

Лестничный пролет был мрачным, как горное ущелье. Без фонарика здесь можно было запросто оступиться. Вообще-то в таких случаях говорят: «свернуть шею», – но Филя предпочел более легкий вариант.

Лифт в их подъезде работал исправно, и лестницей, к счастью, мало кто пользовался. Но все-таки она не была от этого чище. Вон сколько пыли на перилах, окурков на ступеньках... Филя медленно вел лучом фонарика по стенам. Он уже прошел несколько этажей, но ничего нового для себя не заметил. Никаких таких страшных надписей, отломанных ручек и всего прочего, что оставляют после себя хулиганы. Обычная лестница – даже немножко лучше, чем обычная. В соседнем доме в сто раз грязнее.

Вдруг внизу Филя расслышал легкое шарканье. Он насто-
рожился. Понятно было, что шаркающий человек почему-то
старается не шуметь...

А потом раздалось такое громкое шипение, будто из
огромного мешка вылезла такая же огромная кобра и заши-
пела, растопырив свои очковые уши! У Филя дрожь пробе-
жала по спине. Конечно, кобру он придумал, но от этого бы-
ло не легче. Быть на темной лестнице одному и слушать та-
кие звуки – не очень приятное занятие. Не только кобра в
голову прилезет, а целый серпентарий!

«Что же это за звук?» – подумал Филя.

И, словно в подсказку, звякнул по стене металл. Так обы-
чно звякают пустые аэрозольные баллончики из-под краски.
Наверное, перестарался человек: размахивая баллончиком и
стараясь выжать из него последние капли, зацепил за стену.

Сомневаться уже не приходилось: внизу творилось самое
настоящее безобразие. Наверное, об этом и говорила стару-
ха консьержка. Кто-то распылял из баллончика краску, что-
то рисовал на стенах. Чуть ли не в присутствии Филя! И он
рванул вниз, освещая дорогу фонариком.

Не догадался он вовремя: подкрасться надо было, а не ле-
теть, прыгая через три ступеньки и сверкая лучом фонарика
так, что вся лестница освещалась, как во время праздничной
иллюминации. Поднял шум на весь подъезд. Какой же хули-
ган будет ждать, когда его застукают на месте преступления?

Когда Филя миновал несколько пролетов лестницы, на ме-

сте преступления была полнейшая тишина. Только на стене спокойненько подсыхала краска. Взглянув на надпись, Филя чуть не рассмеялся. Он бы специально не сумел так написать! «Спартак – чимпеон!» Ну и грамотей здесь постарался! А может, он в спешке просто перепутал буквы местами?

Филя на всякий случай прислушался. И правильно сделал. Тот же шорох повторился внизу – опять этажа на три ниже. И вдруг загудел и поехал лифт. Остановился, забрал пассажира и двинулся дальше. Это означало, что погоня становилась бессмысленной. Пешком за лифтом не угнаться. А «художник», конечно же, заметил слежку и постарался улизнуть.

Резкий запах заставил Филю зажать нос. Неужели так пахнет эта краска? Он дотронулся до надписи пальцами, растер между ними еще не засохшую красную жидкость. Глаза слезились так, что расплывались все предметы. Закружилась голова, и Филя пошатнулся, коснувшись плечом стены.

«Это от запаха», – решил он и рванулся к лифту, плотно закрыв за собой дверь на лестничную площадку.

На кнопке вызова было маленькое пятнышко краски. Значит, у хулигана пальцы замараны. Но что толку, раз он не пойман на месте преступления! Отмоет спокойненько руки и ничем не будет отличаться от нормальных людей.

Достав платок, Филя стал протирать глаза и откашливаться. Казалось, что этой краской ему брызнули прямо в лицо – так противно было в носу, во рту. Даже дышать стало тя-

жело. Хотелось быстрее добраться до своей квартиры, чтобы отдышаться, умыться. Только бы не столкнуться с родителями – вот начнутся расспросы! Откуда слезы, что случилось... Филя вздохнул.

И сразу встрепенулся, потому что его взгляд упал на одну из кнопок. Цифра «пять» была тоже испачкана! Догадка мгновенно вспыхнула в голове Фили, будто внутри включили фонарик. И даже глаза перестали слезиться.

Быстро, быстро на пятый этаж! Филя ткнул костяшкой пальца в нужную кнопку. Он уже знал, что ищет. Хулигана, конечно, и след простыл. Но ведь простыл – это не значит исчез, да? Филя понял, по каким следам можно определить путь этого «художника». Если даже на кнопках остались пятнышки краски...

Он не ошибся! На ручке железной двери, ведущей к квартирам пятого этажа, можно было различить полоску красного цвета. Поворачивали ручку, а не просто притрагивались к ней, потому и полоска, а не пятнышко. А вот на кнопке звонка – едва заметный отпечаток пальца.

«Вот если бы уметь снимать эти отпечатки, – мечтательно подумал Филя. – Тогда бы хулиган вовсе не отвертелся. А так – что от них толку? Не срисовывать же их вручную».

Но тут он закашлялся так, что из глаз брызнули слезы. Кашель не прекращался, наверное, минуту. О продолжении слежки не могло быть и речи. Филя запомнил квартиру, помеченную краской, и вернулся в лифт. Не так и трудно было

запомнить. Квартира тринадцать. Очень счастливый номер!

Кашель все не прекращался. Нет, видно, не только краску распыляли на площадке. Может, и баллончиком со слезоточивым газом воспользовались. Наверное, таким образом «позаботились» о преследователях. Вдыхая воздух, чтобы отдышаться, Филя запрокинул голову. И застыл с раскрытым ртом, глядя на потолок лифта... Отчетливыми печатными буквами, написанными черным маркером, потолок спрашивал: «Чего голову задрал дурак?»

Если и говорят о какой-то там капле, переполнившей чашу терпения, то эта надпись была чашей, переполнившей каплю терпения Фили! Такое было у него ощущение.

– Ну, погоди! – прорычал он. – Посмотрим, кто из нас дурак!

«Мало того, – возмущался, прямо кипел от негодования Филя, – мало того что у меня фамилия неудачная!...»

Фамилия у Фили была Лопушков. Конечно же, только самый ленивый не придумает по такой фамилии кличку! Лопух, Лопушок – а как же еще? Да и имя тоже... не очень серьезно звучит.

В новой школе, когда Филя поднялся из-за парты, чтобы познакомиться с директором, произошла не очень-то приятная сценка.

– Вот, наш новенький, – представила его учительница. – Филипп Лопушков.

И тут Филе почему-то захотелось подружиться со всеми

побыстрее, захотелось привыкнуть ко всем сразу же, в первый день. И он сказал:

– Ну, не обязательно так официально называть.

– А как же? – удивилась учительница.

– Можно просто. Просто Филя.

Весь класс утонул в хохоте. Сквозь смех различались повторяющиеся слова: «Ой, не могу! Простофиля! Умереть можно!» Кто это там собирался умереть от смеха, Филя не стал разглядывать. Он покраснел и уткнулся взглядом в парту. Хорошо, что директор увел Филю к себе в кабинет, якобы для ознакомительной беседы. Но Филя-то знал: директор таким образом просто увел его от продолжения посмешища.

Так что совершенно ясно, что Филя был обладателем целой коллекции кличек. Тут тебе и Простофиля, и Лопух, и Лопушок. Кто остроумный, может продолжать дальше... Вдобавок ко всему Филя, что называется, не вышел ростом. А если говорить правду, он был совсем маленький... Просто как пятиклассник какой-нибудь или как девчонка! К тому же голова у него была круглая и довольно большая. Правда, мама говорила, что из-за этого он выглядит умным и серьезным. Но Филя ей совсем не верил. Да он вовсе и не хотел выглядеть умным и серьезным. А хотел не только выглядеть, но и быть – смелым, решительным и сильным! Только никогда ему это не удавалось...

Глава II. ИЗ СЫЩИКОВ – В АРЕСТАНТЫ

Значит, очень впечатлительным был Филя, если такое обычное событие, как чье-то хулиганство, привело его в бешенство. И особенно взбесила надпись на потолке лифта. После всех своих школьных кличек такое оскорбление он простить не мог. Филе почему-то показалось, что эта надпись направлена прямо по его адресу, хотя он и понимал, что так думает любой человек, поднявший голову. И, стоя прямо под этой надписью, он поклялся отомстить обидчику не только за себя, но и за всех обиженных. Но какая месть может быть за обиду? Поимка преступника!

Приняв решение, Филя успокоился и даже окинул одним взглядом свою жизнь. И сразу убедился: какой же эта жизнь была скучной! Учеба – каникулы, учеба – каникулы, болезнь – выздоровление, дача – город и две поездки на море. Вот и вся биография. Даже у бабочки-капустницы она интересней. То она куколка, то – гусеница. А Филя как жил, так и живет – одинаково, как тысячи и тысячи людей вокруг...

И поэтому он очень даже обрадовался, что судьба подбросила ему приключение. А станет ли это приключение интересным, во многом зависит от него самого. Ведь можно плюнуть на все эти надписи, уйти домой – и валяться на диване перед телевизором или опять читать про египетские пи-

рамыды... А можно напрячь все свои извилины и заставить их ответить на несколько простых вопросов.

Кто это сделал? С какой целью? И как этого «кого» поймать? Собственно, Филя уже потихоньку начал отвечать на эти вопросы. Нашел же он по отпечаткам краски тринадцатую квартиру!

Правда, от одного из этих вопросов Филя даже прыснул смехом, не удержался. Как это – с какой целью? На это никто не ответит. С какой целью хулиганы ломают почтовые ящики, разбивают окна на лестничных площадках, выбрасывают пачками старые газеты с верхнего этажа? Без цели. Просто так.

Филя вообще считал, что самыми необъяснимыми вещами на свете являются всякие глупости и неприятности. Такой вывод он сделал в одном недавнем споре с папой. Правда, спором их трудный разговор все-таки нельзя было назвать. Папа возмущался по поводу случайной двойки по русскому.

– Я все жду! – громко говорил он. – Я жду, когда ты, наконец, поймешь, что все имеет свои причины и следствия. Твоя необязательность превратилась в двойку, двойка в будущем превратится в обыкновенное незнание. А это самое страшное. Незнание превращает жизнь в скучное существование.

– Ни во что оно не превращает, – проворчал Филя.

– Что ты там бормочешь? – недовольно переспросил папа. – Значит, ты имеешь на этот счет свое мнение? И какое

же?

– Не имею, ничего я не имею, – отмахнулся Филя. – Просто мне кажется, что незнание, наоборот, интереснее всех знаний.

У папы от удивления брови медленно поползли на лоб.

– К-как это? Будь добр, объясни.

– Да все просто. Чего-то не знаешь – и стремишься узнать. И узнаешь. Вот и интересно. А если уже знаешь, то сидишь довольный, как... Как компьютер!

– Интересный ход мыслей, – хмыкнул папа. – Только я почему-то не замечаю за тобой именно этого стремления. А кстати, вот ты не знаешь, как появилась эта двойка. Подумай, пожалуйста, используй свой метод и пойми, в чем причина. Поинтересуйся, так сказать, у самого себя.

– А неприятности вообще необъяснимы! – воскликнул в сердцах Филя и вздохнул. – Это просто несправедливость... Вот, например, объясни мне, если ты все знаешь о природе, для чего существуют комары?

– При чем тут комары? – удивился отец. – Ты какие-то глупости говоришь.

Папа был ученым-биологом, и поэтому Филя так хитро повернул разговор. Чтобы интереснее было беседовать.

– Ничего не глупости. – Филя уже говорил увлеченно, будто и забыл, что он виноват. – Я к тому говорю, что существование в природе этой гадости объяснить нельзя. Это – просто неприятность. Вот так и двойка моя.

Папа рассмеялся:

– Неожиданное сравнение! Все-таки, в отличие от полчищ комаров, твою двойку можно прихлопнуть, да? В смысле – исправить. Хорошо?

Филя кивнул. А что тут скажешь? И так запутался. Знания, незнания, причины, следствия... На умные темы с папой лучше не разговаривать. Только начинаешь что-то объяснять, а он уже спешит все в шутку превратить. Привык, наверное, разговаривать с Филей-младенцем. И никак до него не дойдет, что его сын – вполне взрослый человек. Как говорил Карлсон, в полном расцвете лет. Скоро тринадцать будет. И хоть считается это число несчастливым, Филя дожидаться не мог следующего дня рождения. А кто же его не ждет – всякое живое существо стремится стать постарше!

Филя все-таки заметил, что с годами вовсе не легче становится выражать свои мысли. Наоборот, кажется, все труднее и труднее сказать все так, как думаешь.

«Наверное, мои мысли становятся сложнее», – вздохнул Филя.

Вот и сейчас никому на свете не сумел бы он объяснить свою радость... Любой человек, послушав Филю, покрутил бы у виска пальцем – и был бы прав. Он рад тому, что кто-то в подъезде разрисовал стены и лифт! Вот это да!

Филя в очередной раз закашлялся и повернул ручку двери. Как хорошо, что никому ничего не надо объяснять. Лучше всего не болтать зря, а действовать. Выследить и обезвре-

дить преступника – вот достойное занятие. И лучшее средство от скуки...

И вдруг Филя спохватился. Да как же он в таком виде покажется родителям! Глаза слезятся, кашель прорывается, как ни сдерживай... Да его просто никуда больше не выпустят из квартиры! Подумают, что он мгновенно простудился от какого-нибудь незначительного сквознячка. Видно, без прогулки на свежем воздухе не обойтись. На улице он придет в себя, избавится и от слез, и от кашля.

Войдя в лифт, Филя еле удержался, чтобы не посмотреть вверх. Не хватало еще любоваться этой дурацкой надписью! Одно воспоминаие о том, что эти слова начертаны над головой, портило настроение.

«Надо обязательно стереть или закрасить», – подумал Филя.

Но тут он представил, что будет закрашивать краской надпись – и его застукают за этим занятием. И будет он в ответе за все надписи, сделанные в подъезде. И в прошлом, и в настоящем, и даже в будущем. Потому что кто пойман, тот и вор. Хотя пословица звучит немного по-другому, но смысл примерно такой.

И с новой силой вспыхнуло в Филе желание обязательно выследить неизвестного обидчика. «Чего голову задрал дурак?» Эта надпись, казалось, уже сама собой произносилась внутри, как навязчивый мотив какой-нибудь песни.

Филя даже не понял, почему он нажал кнопку не первого

этажа, а пятого? Наверное, машинально.

«Не только преступники возвращаются на место преступления, – подумал он. – Но вот и... сыщики».

Так он назвал себя впервые – задумавшись, конечно, перед этим словом на мгновение. А как назвать? Полицейский, милиционер? Агент, инспектор? Нет нормального слова для человека, который по собственной воле наводит порядок и восстанавливает справедливость. Все слова разобрали профессионалы. Ничего, сойдет и «сыщик». Нормальное слово, хоть и есть в нем что-то собачье. А что плохого в собаке? Особенно если дело касается расследования. Вот и получается, что вполне подходит Филе слово «сыщик».

На этот раз он внимательно взгляделся в пятнышко краски на кнопке звонка. Даже если бы он умел снимать отпечатки пальцев, это не помогло бы. Потому что пятнышко было сплошным, безо всяких линий.

«Наверное, пользовались перчатками», – подумал Филя.

И вдруг он услышал за общей дверью шум. Открылась одна из квартир. Филя еле успел выскочить на лестничную площадку за мгновение до того, как кто-то вышел и вызвал лифт.

Затаившись, стараясь не дышать, думая о том, что он вот-вот закашляется, Филя прижался к стене. Ни к чему, совсем ни к чему ему выдавать себя в самом начале операции! Вот только никак нельзя упускать такую возможность... Ведь там, у лифта, может стоять тот самый «художник»! Фи-

ля осторожненько приблизился к двери и выглянул на площадку. Всего на полсантиметрика.

Спиной к нему стоял мальчишка примерно его возраста, но, конечно, гораздо выше его ростом. И тут у Филя дрожь пробежала по спине. Мальчишка растирал между большим и указательным пальцами краску! Филя даже заметил, как мелькает при шевелении пальцев яркий красный цвет. При этом мальчишка громко хмыкал, как будто размышляя про себя.

«Наверное, решает, где еще оставить свой драгоценный автограф», – решил Филя.

Он уже собрался выйти из своего укрытия, чтобы внезапно и громко крикнуть, испугав мальчишку: «Так вот кто гадит!»

И хорошо, что Филя не поспешил. Потому что вовремя успел сообразить: а никакого права так орать у него пока нет. Ведь он не видел, чтобы мальчишка разрисовывал стены. И на потолке в лифте надпись сделана вообще черным маркером. А измазанные пальцы мальчишка вполне может объяснить тем, что вот только что дома занимался рисованием... И, может, он вовсе не из тринадцатой квартиры.

Нет, что и говорить, следить надо с умом. Не так, как эта старуха-консьержка, которая обвинила в хулиганстве всех мальчишек одновременно. А обвинить того, кто не виноват... Что может быть на свете более несправедливого?

Филя еще раз высунул в дверь свои полголовы с левым

глазом, внимательно рассматривая своего «подопечного». Тот все продолжал растирать пальцами краску, поглядывая по сторонам – так что Филя пришлось быстренько спрятаться обратно.

Странный предмет держал в руке мальчишка! Куда это он мог направляться вечером с такой ношей? Он держал что-то наподобие чемодана – если только можно назвать чемоданом высокий вертикальный цилиндр, накрытый покрывалом. Филя вспомнил, что однажды видел в цирке такой накрытый покрывалом ящичек. Туда фокусник помещал всякие предметы, которые потом благополучно исчезали.

«Тоже мне фокусник», – хмыкнул Филя.

Но странный предмет заинтересовал его. Филя уже и позабыл даже про краску на пальцах мальчишки. Он знал, чем будет заниматься в ближайшее время. Самым важным для сыщика делом – слежкой за этим подозрительным типом! Вот только для начала надо уточнить кое-какие детали.

Когда лифт уехал, Филя выскочил из своего укрытия и позвонил в квартиру тринадцать. Через несколько секунд за дверью послышался шум. Открывалась внутренняя, квартирная дверь.

– Ты что-то забыл, Дусик? – спросил женский голос.

Филя едва не расхохотался. Надо же, этого мальчишку называют, как кошку! Тут дверь открылась, и красивая высокая тетенька взглянула на Филю с удивлением.

– А он уже ушел? – быстро спросил Филя.

– Даня? Да. Я думала, что это он вернулся, забыл что-нибудь для прогулки. – Высокая тетенька внимательно рассматривала Филю. – А ты, мальчик, из какой квартиры?

– Из тридцатой. Так мы разминулись? Все, побежал!

И Филя шмыгнул на лестницу. Хватит, хватит обмана. А то он совсем запутается с этой тетенькой. Хорошо, что хоть так получилось – более-менее правдоподобно. Только вот что скажет этот Даня, когда придет домой? И слыхом он не слыхивал ни о каком мальчишке из тридцатой квартиры... Вот забеспокоится его мама!

Филе на мгновение стало стыдно за свой обман. Но ведь как еще он мог узнать, в какой квартире живет этот мальчишка? А так – благодаря только одному звонку Филя проверил столько сведений! Во-первых, мальчишка живет действительно в тринадцатой квартире. Во-вторых, краска на его пальцах совпадает по цвету с той, которую распыляли на лестнице. В-третьих... Ну, хотя бы имя его стало известно. Тоже, между прочим, ценные сведения! Интересно, зачем этому Дане на прогулке такой здоровенный ящик?

Возле подъезда никого не было. Филя быстро огляделся и увидел под дальним фонарем мелькнувшую за угол дома бесформенную тень. Казалось, что ящик стоял у мальчишки на плече.

Но от свежего воздуха, как ни странно, на Филю напал такой приступ кашля, что он откашливался, наверное, минуты три. За такое время можно не только за углом скрыться, но

и на другой конец улицы попасть!

Но главное – направление. Продолжая кашлять и отплевываться на ходу, наплевав таким образом в самом прямом смысле на правила хорошего тона, Филя ринулся вдогонку.

И вдруг рядом с ним раздался удар, посыпались осколки стекол, похожие на сухие льдинки, и завывла автомобильная сирена.

– Стой! Стоять! Ни с места! – заорал страшный голос. – Стрелять буду!

Уже и без того потревоженную тишину вечера прорезали сразу три оглушительных выстрела. Впрочем, Филя был разочарован. Вообще-то он всегда считал, что пистолет стреляет намного громче. А оказалось, что петарды, которыми балуются мальчишки, взрываются намного оглушительней. Конечно, не всякие, а те, что потолще. Которые скорее похожи на бомбочки, чем на петарды.

Но все-таки выстрелы из пистолета, хоть они и звучали не так громко, были страшнее, чем самые громкие петарды. Филя вобрал голову в плечи и присел от страха, затаился за первой попавшейся машиной.

И вдруг чья-то сильная, показавшаяся железной рука почти приподняла его в воздух.

– Ага! Спрятался! Значит, ты тут на стреме сидишь, а дружок твой по машинам шарит!

Филя с трудом посмотрел в сторону – мешал поднятый чужой рукой вверх воротник – и увидел злющее, перекошен-

ное незнакомое лицо. Больше всего поразило Филю, что над этим лицом красовалась... милицейская фуражка! А когда он увидел, что милиционер размахивает рукой, в которой зажат пистолет, то ноги Филя сами собой ослабели и подкосились. – Стоять! – опять услышал он крик. – Отвечай, быстро, куда он побежал?

– К-кто? – пролепетал Филя.

– Конь в пальто! Говори, где твой сообщник! – очень громко, на весь двор, заорал милиционер.

Филя успел подумать, что это он специально так кричит, чтобы привлечь внимание.

Но внимание всех жильцов, скорее всего, привлекли не только эти крики. Выстрелы, звон разбитого стекла и вой сигнализации сделали свое дело. Вверху захлопали окна, зазвучали вопросительные голоса, и через минуту из подъезда один за другим начали выходить люди. Они окружили милиционера и Филю, наперебой спрашивая:

– Что случилось? Что за шум? Кто стрелял?

– Я стрелял, – уже спокойно ответил милиционер. – Не волнуйтесь, граждане. Стрелял вверх, в воздух. Попытка остановить преступника. Вот, полюбуйтесь – разбили в машине окно, чтобы вытащить магнитола. Хорошо, что я неподалеку проходил.

Какой-то дяденька недоверчиво спросил:

– Вот этот мальчик разбил окно?

– Да не этот, – ответил милиционер. – Преступник убе-

жал. А этот – его сообщник. Ну ничего! Он расскажет нам, куда его дружок скрылся!

Тут Филя увидел, как из подъезда выскочил папа, сбежал по ступенькам и стал пробираться сквозь толпу. Сразу почему-то закружилась голова, и Филя лишь успел почувствовать, как папа подхватывает его под руки...

Глава III. ИСПОРЧЕННЫЙ ТЕЛЕФОН

Кошка Дуся покачивалась вверх-вниз. Потому что она устроилась дремать, свернувшись клубочком, прямо на животе у Фили. Он дышал, а кошка покачивалась. Филя улыбнулся и вспомнил любимое свое занятие во время отдыха на море: покачиваться на волнах, лежа на надувном матрасе.

Правда, однажды он так увлекся, то есть уснул, что потом его буксировали к берегу на спасательном катере. Волн на море не было, а легкий ветерок дул со стороны берега – и матрас потихоньку стало относить все дальше и дальше. Филя пригрелся на солнышке, задремал и не заметил этого... Ему снилось, что его зовет мама. И можно сказать, – сбылся этот сон! Когда подплыл катер со спасателями, разбудившими Филю, он услышал наконец, что над морем как-то странно звучит его имя. Вначале он подумал, что это кричат в мегафон, но потом, взглядевшись в сторону пляжа, все понял. Оказывается, мама собрала всех загорающих в своеобразный хор – человек пятьдесят по ее команде дружно ревели: «Фи-и-ля!» Поэтому весь пляж и встречал катер с матрасом аплодисментами и дружным ревом, какой бывает на стадионе.

Потом до самого конца отдыха Филя был знаменитостью курортного поселка. И он понял, как тяжело бремя славы.

Каждое утро его приветствовали даже бродячие беспризорные собаки, занятые сбором всяких вкусностей на многолюдной набережной. Про людей и говорить нечего – все наперебой старались показать свое остроумие, вспоминая приключение Фили. И про штормовое море шутили, и про акул, и про кругосветное путешествие... Филия уже, чтобы не встречаться с этими «остроумными» дяденьками, научился ходить, как горбун какой-нибудь – наклонившись чуть ли не к самой земле. Чтобы не узнавали.

Даже воспоминания не отвлекли Филю от тяжелых мыслей. Так вот он какой, оказывается, тринадцатый год жизни! Наконец-то дошло до Фили, что невезучий год как раз сейчас и идет. Ведь когда тринадцать исполнится – это уже следующий, четырнадцатый, год начнется. А сейчас он и есть, невезучий.

Да об этом можно было догадаться, и не умея считать! Достаточно вспомнить несколько последних событий этого несчастного года.

Все началось с переезда, до которого жизнь вспоминалась сейчас Филе, как сказка. Жили-были себе не тужили Лопушковы-родители и сын их Филипп в старом пятиэтажном доме на окраине Москвы. Как в сказке. И совсем не против был Филия жить там и дальше. Но старый дом снесли, и в результате какого-то двойного обмена, который мама почему-то считала подарком судьбы, Лопушковы оказались в самом центре Москвы, рядом с площадью Маяковского, кото-

рая теперь называется Триумфальной. Это только кажется, что чем ближе к центру города, тем лучше. Филя готов был доказывать обратное и загигать сто пальцев, считая доказательства.

Во-первых, пустырь. Разве найдется в центре города такой прекрасный пустырь, напоминающий марсианский пейзаж? Во-вторых, речка – хоть и не для купания, хоть и называют ее Вонючкой, но все же природа. Лягушки в ней квакают, утки плавают, люди по берегам гуляют. И в-третьих, и в-четвертых... И аэродром рядом, на котором иногда проходят воздушные праздники, и гигантский овраг...

Филя всегда вздыхал, вспоминая свою родину. Там можно было спокойно запрячь любой клад, чтобы пришедшие в гости друзья с восторгом потом искали его. Там можно было смотреть ночью на звезды. Однажды Филя увидел летящий метеорит – тот с шорохом скользил по небу, роняя искры. Папа потом объяснил, что такие метеориты называются болидами.

А вот на новом месте клад не спрячешь. Здесь прохожих столько, что обязательно какая-нибудь дотошная старушка поинтересуется: «А ты, мальчик, не бомбу закладываешь?» А звезд вообще не видно даже в самую ясную погоду. Про болиды и говорить нечего.

Новая школа к тому же... Требования в ней совсем не такие, как в прежней, потому что это не школа, а гимназия. И учебный год начался не очень успешно для Фили, судя по

оценкам. И друзей здесь нет. Филя смотрел во двор и удивлялся: двора-то и нет в том, привычном для него смысле! Где футбол гонять, где в выбивалу играть? А без этого двор превращается в место, где только старушкам посидеть на скамейке.

Филя думал свои печальные мысли, разглядывая в книге египетские пирамиды, и ему казалось, что на каждой ступеньке пирамиды находится по одному неприятному воспоминанию. Он словно взбирался по этим ступенькам все выше и выше. А наверху, на самой вершине пирамиды, его ожидало самое последнее по времени и самое неприятное по ощущению воспоминание...

Никогда еще в жизни Филю не хватал милиционер, не кричал на весь двор, что вот поймал преступника! Что и говорить, неприятное чувство испытываешь при этом. Филя даже усмехнулся невесело. Мягко сказано – неприятное! Страшно было ему. Теперь он знает на собственном печальном опыте, как это страшно, когда несправедливо обвиняют в преступлении, которого ты не совершал, и смотрят все на тебя – кто со злорадством, кто с сочувствием. А ты ничего не можешь изменить. Кричи сколько хочешь – никто не поверит.

Хорошо, что это безобразие прекратил папа. Он подхватил Филю, хотел даже нести домой на руках, но Филя нашел в себе силы и сам пошел – на ослабевших ногах. Не поддался все-таки обмороку, который уже чуть было не свалил его.

И милиционер, и все жильцы дома расступились, не смогли воспрепятствовать папе! Потому что у него такой был вид, что и милиционер притих, как кролик испуганный.

Хотя обычно в папином виде нет ничего воинственного. Даже, наоборот, он похож на такого смешного человечка, которого продают в некоторых цветочных магазинах. У этого человечка добродушное лицо и лысая голова. И если поливать эту голову обычной водой, то через несколько дней на ней начинают расти редкие зеленые травинки. Филин папа обычно как раз и напоминал такого человечка, голову которого поливали примерно неделю. Но тут он совершенно преобразился.

– Руки! – прорычал папа милиционеру, будто командовал ему вверх руки поднять.

И тот сразу же отпустил воротник Фили.

– Позвольте, позвольте! – завизжал какой-то Колобок в пижаме и тапочках. – А кто же ответит за мою разбитую машину? Кто заплатит?

– Кто разбил, тот и заплатит! – остановился, открыв дверь подъезда, папа. Он похлопал себя по карманам, что-то вспоминая, и достал визитную карточку, которую Колобок быстренько передал милиционеру. – Мы в тридцатой квартире живем. Если появятся вопросы, обращайтесь. А суд Линча здесь устраивать я не дам! И что это за стрельба в жилом квартале? Балуются здесь, как мальчишки петардами! А если бы не в небо попали, а в дом? В чье-нибудь окно?

И он так грозно посмотрел на милиционера, что тот, хоть и собирался что-то сказать, прикусил язык. Только и успел промямлить:

– Не попал бы... Не боевыми же... Это так, для испуга.

В лифте папа внимательно посмотрел на Филю и спросил:

– Испугался? Ты хоть что-нибудь видел?

– Не-а. – Филя уже приходил в себя. – Иду себе, и вдруг трах-бах, крики...

Папа вздохнул:

– Мама там, наверное, с ума сходит. А я, представляешь, как раз в этот момент из окна выглянул, на тебя посмотреть. Правда, в темноте особенно ничего не разглядишь. Но и не слышал, чтобы кто-то убежал. Сразу – звон стекла, выстрелы, крики. И я вниз побежал. Даже лифт не стал ждать.

– Что случилось?! – встретила их мама встревоженным восклицанием.

– Ничего особенного, не волнуйся, – успокоил ее папа. – Кто-то разбил окно машины, а Филипп совсем рядом находился. Милиционер вдруг откуда-то выскочил, как чертик из табакерки.

– И что? – Мама оглядывала Филю, как какую-нибудь ценность, которую собиралась покупать. Нет ли царапинки, трещинки, пятнышка?

Он вяло отмахнулся и скрылся в своей комнате. Стал прислушиваться к разговору родителей и листать книгу, потихонечку размышляя о последних событиях.

С появлением этой старухи и начались все злоключения!

«Может, она колдунья? – подумал Филя. – Будет сейчас сидеть в своей будке и колдовать. Два раза в день мимо нее пройдешь – и ни настроения хорошего, ни удачи, ни даже спокойствия...»

– Да пусть ищут! – донесся из-за двери папин голос. – Этот странный милиционер пусть и ищет хулигана! Конечно же, легче всего схватить первого, кто под руку подвернулся. Но Филипп ни при чем! Я это своими глазами видел. Он от этой машины метрах в пяти был. Вот пусть сейчас и опрашивают свидетелей – кто-нибудь да отыщется. Насколько я понимаю, мои свидетельства приниматься не будут. Мне тоже интересно узнать подробности этого происшествия!

Мама что-то говорила неслышно.

– Да как же на улицу не выходить! – воскликнул папа. – Да, опасно, да, темно. Ну так что, зарыться лицом в подушку с наступлением темноты и не дышать?

Филя усмехнулся. Молодец папа! Если что – можно на него положиться. Хоть и ботаник, а как смело себя повел! На самого милиционера так крикнул, что тот чуть пистолетик свой не потерял со страху. А кстати, что это он пробормотал про выстрелы? «Не боевыми...» Значит, он стрелял холостыми патронами? Интересно, интересно... Не знал Филя, что милиционеры заряжают свои пистолеты холостыми. Наверное, для стрельбы в жилых кварталах: несколько первых патронов просто так, для испуга, а где-нибудь в конце обой-

мы и настоящий патрончик сидит.

Но это Филя так, сам расфантазировался. Кто знает, что в пистолете у этого милиционера! Впрочем, как и в его голове. Вон какой он ненормальный. В следующий раз гранату бросит, скажет: не боевая.

А папа Фили на самом деле был ботаником. Не тем, конечно, «ботаником», которыми обзывают в школе отличников. А самым настоящим, который изучает всякие растения. Филя, конечно, удивлялся папиному выбору профессии. Это же надо было умудриться с такой фамилией еще и растениями заниматься! Да любой, даже самый высококультурный человек не удержится от того, чтобы обозвать ученого-ботаника по фамилии Лопушков каким-нибудь растительным именем. То есть кличкой. И ведь правда, похож папа – может, не на лопух, но на какое-то большое грустное растение. Особенно когда задумается и вздохнет глубоко-глубоко – кажется, качнулся где-нибудь на грядке подсолнух. Или кукуруза. А еще папины глубокие вздохи напоминали Филе волнующееся пшеничное поле. Налетит случайный ветерок – и качнется, вздыхая, живая поверхность, состоящая из миллионов колосков.

Очень легко было сравнивать папу со всякими растениями, потому что часто Филя видел его рядом с ними. Можно глаза закрыть – и сразу представить, как папа стоит рядом с каким-нибудь кустом и разглядывает, прищурившись, его веточку. Филю это особенно удивляло.

– Пап, – говорил он, – ты же эти листочки-веточки наизусть знаешь. Что там еще можно увидеть?

Папа улыбался, почему-то вздыхал и говорил:

– Наизусть? Нет, Филипп, наизусть это нельзя выучить. В каждое следующее мгновение природа уже другая. Изменяется, живет. Смотри, как поворачивается, раскрываясь, почка у смородины, а?

Филя смотрел – и ничего не видел. Почка как почка. Чтобы рассмотреть, как она раскрывается, такая замедленная съемка нужна! Вообще-то Филя любил наблюдать природу не весной, а летом, когда интереснее. И ягоды можно собирать, и грибы. Правда, это надоедает быстро. На второй-третий день уже лень наклоняться.

Так что не станет Филя ботаником. Не только почки рассмотреть у него терпения не хватает, а даже землянику собрать. А для ученого, конечно же, самое главное – терпение и задумчивость.

«Вот, уже становлюсь ученым, – чуть не рассмеялся Филя про себя. – Как задумался! Уже, наверное, целый час думаю. Даже Дуся успела выспаться под мои молчаливые мысли».

И тут зазвонил телефон. Один раз, другой, третий. Да что там родители, уснули, что ли? Филя вышел в гостиную. Из кухни доносился горячий спор. И о чем они спорят? Можно выходить на улицу или нет? Вот смешные люди эти взрослые! Лучше бы к телефону прислушивались.

Филя поднял трубку. Какой-то глухой голос, как из-под

земли, не здороваясь, спросил:

– Тринадцатая? Получили повестку?

– К-какую повестку? – не понял Филя.

– Из милиции повестку. На допрос по делу о разбитом стекле автомобиля.

«Странно как-то все это, – подумал Филя. – И голос странный. Какая может быть повестка, если со времени происшествия не прошло и двух часов?»

– Получили, – вдруг сказал Филя. Почему он так сказал, и сам не знал. Просто внутренний голос за него ляпнул это. – Получили вашу повестку. Хорошо, что вы не ошиблись, прямо в тринадцатую квартиру и принесли. Точно по адресу – в три-над-ца-тую. Вот мы и получили.

Филя специально повторил номер квартиры столько раз и даже по слогам продиктовал. Он обязательно хотел проверить, ошибка это или нет. Ведь его квартира была тридцатой. А странный голос в трубке назвал тринадцатую. Тут этот голос закашлялся почему-то, словно его владелец растерялся и удивился:

– К-хе, к-хе... Получили?

И в трубке раздались гудки.

Родители не слышали, что Филя с кем-то поговорил. Спор на кухне продолжался. А Филя с недоумением смотрел на трубку, в рассеянности нажимая все кнопки по очереди.

«Может, ошиблись номером?» – думал он.

Но почему тогда ошиблись наполовину? Конечно, это Фи-

лю подозревают в хулиганстве. Конечно, вполне может прийти и вызов в милицию. Никогда еще не приходилось Филе употреблять это неприятное слово – «повестка»! Но почему же тогда назвали совсем не его квартиру? Не тридцатую, а тринадцатую?

Филя чувствовал себя участником какой-то странной игры. Под названием «Испорченный телефон».

Глава IV. ДВАЖДЫ ДВА

Школа была совсем рядом. Ехать не надо, идти – две минуты. Поэтому мама очень удивилась, что Филя выходит так рано.

– Еще целых полчаса! Что же ты собираешься делать? – спросила она. – Или уроки вчера не успел приготовить?

– Успел, успел, – отмахнулся Филя. – Все равно в класс раньше первого звонка не пустят. Пообщаемся с ребятами во дворе.

– Пообщайтесь, – улыбнулась мама. – А ты успел подружиться с кем-нибудь?

– Да нет... пока, – пожал Филя плечами и вышел.

«Подружиться – понятие сложное», – думал он.

По-разному можно понимать это слово. Можно сказать, что он подружился со всеми одноклассниками – познакомился, общается. А если подумать серьезно – нет у Филя пока ни одного друга. Потому что друг должен быть один-единственный. Ну, в крайнем случае, их может быть двое. Если больше, то это тоже неплохо. Только называться это будет не дружбой, а, наверное, знакомством.

Таких знакомых у Филя было много. А с друзьями пока не везло. Он вспомнил, как первого сентября поглядывал на уроке по сторонам, пытаясь угадать, с кем из ребят подружится. Конечно, девчонки отпадали сразу. Только этого Фи-

ле не хватало! Так сразу и обзовут: лопушок с ромашкой! А мальчишки уже разделились между собой на компании – по два, по три человека. И Филя понял, что он пока лишний. Ведь нельзя же подойти и сказать, как в детском садике: можно, я с вами поиграю?

Для дружбы необходимо какое-нибудь общее событие. Никаких особенных событий в классе не происходило. Поэтому школа казалась Филе скучной. Единственное, чем он утешал себя, – что учится в ней совсем недавно. А любое новое место всегда поначалу скучное.

И, честно говоря, слукавил Филя, когда говорил маме о школьном дворе. Не торопился он туда, потому что в это раннее время там совершенно нечего было делать. А вот понаблюдать за собственным подъездом сейчас очень даже полезно. Все жильцы появятся, как на собачьей выставке, по очереди. Кто в школу, кто на работу, кто собаку выгулять – все выйдут, обязательно.

Конечно, все жильцы не нужны были Филе. Нужен был только один. Мальчишка по имени Даня из тринадцатой квартиры.

Как известно, помойка – не лучшее место во дворе. Но для наблюдения оно подходило лучше всего. Бетонный барьерчик скрывал не только мусорные баки, но и Филю. И он мог спокойненько стоять за этим барьерчиком, как человек-невидимка, потому что с другой стороны подступала стена соседнего дома. Вот в этом закрытом пространстве, в

этой засаде и притаился Филя, наблюдая за подъездом в узкую щелочку, которой вполне хватало для обзора.

«Только бы мама не заметила меня здесь». – Филя с опаской посмотрел вверх. Но густые кроны деревьев надежно скрывали его.

Очень даже интересным оказалось это занятие – утреннее наблюдение за подъездом! Филя наблюдал, как совсем по-разному распахивалась дверь, по-разному выходили люди: кто спешил, кто не торопился, кто смотрел на небо, а кто никуда не смотрел, с самого утра уже уткнувшись взглядом прямо себе под ноги. Наверное, плохое было настроение.

Филе показалось, что он смотрит какой-то фильм – с одними и теми же, почти похожими кадрами. И вдруг ему пришла мысль: а ведь если засесть здесь утром с видеокамерой и снимать, как распахивается дверь, очень даже смешной и интересный получится фильм! Особенно если снимать не все подряд, а самый момент выхода людей из двери. По три-четыре секунды на каждого – и обеспечена минутная коллекция самых разнообразных человеческих гримас.

Вот вышла смешная девчонка. Сразу и не поймешь, что в ней смешного, но почему-то Филя сразу улыбнулся, глядя на ее серьезную мордочку. Наверное, девчонка казалась себе ужасно взрослой. И губки поджимала соответственно, как настоящая дама, и поправляла завитушку на лбу таким медленным жестом, будто какая-нибудь королева. А лет этой «королеве» было, наверное, не больше десяти. Во всяком

случае, так решил Филя.

На глазок он определил, что девчонка моложе его года на два. Но это только по росту. Лицо у девчонки было довольно взрослым и серьезным. Наверное, оттого, что она старательно морщила лоб.

«О чем она так задумалась? – чуть не фыркнул от смеха Филя. – Наверное, вспоминает, куда вчера подевала свою любимую куклу...»

Девчонка исчезла за углом, а дверь распахнулась так широко, будто в нее должны были втиснуться сразу человек десять. И выкатился тот самый Колобок, который пострадал вчера от неизвестного хулигана. Он поспешил к своей машине и сразу стал обследовать заклеенное пленкой окно. Наверное, вчера весь вечер клеил. Вот и сейчас стал разматывать моток скотча и укреплять пленку. Через каждую минуту он цокал языком – так громко, что на этот звук стали слетаться голуби и вороны. Но Колобок не замечал этого. Наверное, он очень любил свою машину. Так бережно он трогал дверные ручки, стекла – будто проверял, нет ли у машины где-нибудь ушибов.

«Вот птицы совсем некстати», – подумал Филя и взмахнул рукой.

Если сейчас налетят эти любители помоек, то неуютно будет Филе в его укрытии! Но, наверное, его взмахи не отпугивали, а, наоборот, привлекали голубей. Вот и воробьи присоединились. Вороны все-таки были повоспитаннее. А голуби

и воробьи думали – если только у них есть чем думать, – что Филя рассыпает им корм. Разглядывали, глупые, асфальт: где же крупа или крошки?

«Фигушки вам, – подумал Филя. – Прикормишь вас здесь, потом на голову сядете... Пусть этим старушки занимаются».

Но тут он увидел на асфальте много-много рыжих точек пшена. Наверное, их как раз и рассыпала какая-нибудь старушка. К ним-то и подбирались птицы.

Отвлечшись на голубей, Филя ненадолго упустил из виду дверь подъезда. А когда снова глянул на нее, то сразу узнал вчерашнего мальчишку. Узнал – и удивился. Даже подумал, что еще не полностью проснулся, а может, вообще продолжает видеть какой-нибудь сон. Мальчишка был похож на Филю! Конечно же, не лицом – да издалека и трудно было рассмотреть лицо, – а вот именно своим видом мальчишка очень напоминал Филю. Филя даже вспомнил видеофильм, который папа снял первого сентября. В этом фильме он точно так же выходил из подъезда, только у него в руках был огромный букет цветов. Точно так же смотрел, прищурившись, на солнце...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.